

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

TOPICAL ISSUES OF RUSSIAN HISTORY

УДК 93/94

DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-901-913

EDN LXGPBE

Оригинальное исследование

К вопросу о роли польских экстремистских сил в радикализации ишутинцев как факторе покушения Д. Каракозова на Александра II

Дюков С.В.

Независимый исследователь,

г. Краснодар, Россия

E-mail: dser70@yandex.ru

Аннотация. В череде террористических актов, которые происходили в Российской империи начиная со второй половины XIX века, выстрел Д.В. Каракозова 4 апреля 1866 г. в императора Александра II привлекает не очень пристальное внимание современных исследователей. Во-первых, он окончился без ожидаемого результата для самого нападавшего и группы, к которой он принадлежал. Его, безусловно, затмил и теракт 1881 г., оборвавший жизнь императора, и многочисленные теракты начала XX в., достигавшие своей цели для революционеров-террористов. Во-вторых, сама организация ишутинцев, по мнению многих историков, ничем особым не отметилась, кроме того, что в нее входил террорист Каракозов, существовала короткое время и вскоре после теракта была ликвидирована. Данный террористический акт, обстоятельства его совершения еще не слишком хорошо изучены. Задача исследования заключается в рассмотрении влияния польского революционного и национально-освободительного подполья на русский революционный кружок ишутинцев, что в конечном итоге и могло привести к покушению на императора. Исключительная и единственная цель исследования состоит в установлении истинного характера связи польского и русского подполья и факта эволюции влияния польских экстремистских сил на ишутинцев-худяковцев. Сделан вывод о достаточно противоречивой кадровой политике царской власти в отношении нахождения лиц польской национальности и католического вероисповедания на важнейших руководящих должностях в период острых и напряженных отношений, связанных с Царством Польским.

Ключевые слова: император Александр II, Дмитрий Каракозов, покушение, польский сепаратизм, польские революционеры, терроризм, организация ишутинцев, «Европейский комитет»

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Дюков С.В. 2025. К вопросу о роли польских экстремистских сил в радикализации ишутинцев как факторе покушения Д. Каракозова на Александра II. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 901–913. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-901-913. EDN: LXGPBE

On the Role of Polish Extremist Forces in the Radicalization of Ishutin's Supporters as a Factor in D. Karakozov's Attempted Assassination of Alexander II

Sergey V. Dyukov

Independent researcher,
Krasnodar, Russia

E-mail: dser70@yandex.ru

Abstract. In a series of terrorist acts that were occurring in the Russian Empire in the second half of the 19th century and further on, D.V. Karakozov's shooting at Emperor Alexander II on April 4, 1866 does not appear to arouse the attention of modern researchers. Firstly, because it did not end up with the result that was expected by the attacker and the group to which he belonged. In this sense, the event was certainly overshadowed by the terrorist attack of 1881, which ended the life of the emperor, and the numerous terrorist attacks of the early 20th century, when revolutionary terrorists achieved their goals. Secondly, the Ishutin organization itself, according to many historians, was not marked by anything special, except that it included terrorist Karakozov. The organization existed for a short time, and was liquidated shortly after the terrorist attack. This terrorist act and the circumstances of its commission are still poorly understood. The article examines the influence of the Polish revolutionary and national liberation underground on Ishutin's revolutionary group. The aim of the work is to establish the true nature of the connection between the Polish and Russian underground and the evolution of the influence exerted by Polish extremists on the groups of N. Ishutin and I. Khudyakov. The research methods included general scientific methods, historical-systemic and problem-chronological methods. The conclusion is drawn about the rather contradictory personnel policy of the tsarist government regarding the presence of Polish nationals of Catholic faith in important leadership positions during the period of acute and tense relations associated with the Kingdom of Poland.

Keywords: Emperor Alexander II, Dmitry Karakozov, assassination attempt, Polish separatism, Polish revolutionaries, terrorism, organization of Ishutin residents, "The European Committee"

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Dyukov S.V. 2025. On the Role of Polish Extremist Forces in the Radicalization of Ishutin's Supporters as a Factor in D. Karakozov's Attempted Assassination of Alexander II. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 901–913 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-901-913. EDN: LXGPBE

Введение

Г.В. Синцов, А.В. Первушкин подчеркнули, что террористический акт организации ишутинцев явился первым ярким проявлением политического экстремизма в Российской империи [Синцов, Первушкин, 2019, с. 26]. А.В. Маньков определил выстрел Дмитрия Каракозова в качестве акта «предреволюционного терроризма» и индивидуальной активности [Маньков, 2017, с. 95]. К.Д. Ляшенко изобразил Каракозова как «безалаберного», плохо подготовившегося неудачника, но высокоидейного борца с царизмом [Ляшенко, 2016, с. 257–260]. О том, что Каракозов проявил исключительно собственную инициативу вопреки воле товарищей, пишут также П.А. Кошель [Кошель, 1995, с. 31] и М. Стариков [Стариков, 2021]. В сложившейся историографии Каракозов действительно чаще всего предстает героем-одиночкой, который на свой страх и риск пошел против воли товарищей и избрал столь радикальный метод борьбы с царским самодержавием. Лишь немногие исследователи покушения допускали, что его выбрали на роль исполнителя и контролировали его. Так, историк раннего послереволюционного периода А.А. Шилов, в восторженных тонах описывая качества Каракозова, все же замечал, что тот мог быть лишь орудием для исполнения замысла [Шилов, 1919, с. 34]. Больше же количество исследователей повторяет

ту линию защиты арестованных по делу Каракозова, которая позволила многим его соратникам избежать сколько-нибудь серьезного наказания. Эта удобная линия защиты для преступников сводилась к тому, что террориста специально никто на цареубийство не посылал, а лишь могли догадываться, для чего тот едет в Санкт-Петербург из Москвы и зачем купил пистолет. С него якобы взяли честное слово, что он не будет стрелять в Александра II, его пытались остановить, навести полицию на его след, но не успели и т. д. Такого же мнения придерживался историк А.А. Корнилов. В своей книге он считал товарищей Каракозова вполне безобидными носителями «коммунистической пропаганды», ни в коей мере не стремившихся к цареубийству, а самого террориста назвал «по-видимому, ненормальным человеком» [Корнилов, 1918, с. 2]. Однако С.Е. Майшев отмечает, что к покушению на Александра II привело именно такое, слишком поверхностное отношение органов государственной безопасности к революционерам как к «мальчишкам, начитавшимся западных утопий» [Майшев, 2016, с. 16]. С.В. Меркулов, В.Г. Храпченков считают именно ишутинцев первой террористической организацией в России [Меркулов, Храпченков, 2019, с. 153–154]. Многие лица, связанные с тайной революционной организацией ишутинцев-худяковцев, не получив должного наказания от действующей власти или вовсе ушедшие от него, в дальнейшем продолжили свой революционный путь. И хотя, например, советский и российский историк Н.А. Троицкий считал, что следствие носило крайне жестокий характер и велось «таким образом, чтобы подвести под смертную казнь как можно большее число обвиняемых» [Троицкий, 1978, с. 72], в итоге из всей многочисленной группы ишутинцев-худяковцев был казнен только один Дмитрий Каракозов.

Объект и методы исследования

В деле Каракозова, согласно официальным отчетам следствия, было много лиц польской национальности, а также лиц, тесно с ними связанных. Хотя после покушения 1866 г. следствие и суд установили лишь некоторую связь польских и русских революционеров в деле Каракозова, есть все основания полагать, что роль польского подполья в подготовке террористического акта полностью все еще не изучена. Объектом исследования стали некоторые обстоятельства, предшествовавшие террористическому акту 4 апреля 1866 г. против императора, а именно – активные взаимоотношения польских экстремистско-сепаратистских сил и русской тайной организации ишутинцев-худяковцев. Вызывает большой интерес эволюция взаимодействия польских экстремистских сил с русским революционным подпольем, а также установление истинного иерархического характера этого взаимодействия, что несомненно повлияло на радикализацию взглядов членов тайного ишутинского общества и способствовало осуществлению покушения на императора. Источниковой основой исследования явились материалы стенографического отчета по делу Каракозова, материалы архивов, мемуары. В исследовании применялись такие общенаучные методы, как анализ, синтез, обобщение и систематизация, а также специальные исторические методы: историко-системный, проблемно-хронологический, контент-анализ (при изучении мемуарных источников).

Результаты и их обсуждение

Кружок ишутинцев возник в 1863 г. в Москве. Назван по имени руководителя Н.А. Ишутина (1840–1879), который был двоюродным братом Каракозова. Следует заметить, что различные революционные образования стали усиленно появляться с началом польского восстания 1863 г. Первоначально ничем особенным ишутинцы не занимались, основной целью была пропаганда социалистических идей. Они также сочувственно относились к польскому национально-освободительному движению и выступали за федерализацию и отделение Польши от России. В дальнейшем ишутинцы, прежде всего В.Н. Шаганов, начинают

налаживать связи с поляками. Именно ему незадолго до покушения поляки передадут яд. В конце 1864 г. ишутинцы устраивают побег из пересыльной тюрьмы поляку-арестанту, одному из руководителей польского восстания в Царстве Польском, Ярославу Домбровскому. В 1865 г. кружок принимает незатейливое название «Организация». Вероятно, прошедшие проверку удачным освобождением Домбровского, ишутинцы вызвали к себе большее доверие среди польского революционного подполья, поэтому в июне 1865 г. для знакомства с Ишутиным из столицы в Москву прибыл И.А. Худяков, имевший в Санкт-Петербурге еще более значимые связи с польскими революционными силами, чем ишутинцы. С этого момента начинается ускоренная радикализация ишутинцев. Именно после визита Худякова в Москву в их среде появляются первые разговоры о цареубийстве. С ишутинцами-худяковцами была тесно связана польская агентура [Назаревский, 1910, с. 145]. По делу Каракозова упоминаются поляки Маевский, Домбровский, Оржеховский, Маркс, Верницкий, Адамович, Шостакович и др. Поляк Болеслав Трусов, обращаясь к Максимилиану Марксу с пожеланием достать яд стрихнин для ишутинцев, говорил тому, что русским надо помочь сделать «маленькую революцию» [Покушение Каракозова, 1930, с. 165]. Кроме этого, поляки через ишутинцев распространяли поддельные кредитные билеты, ввозимые из-за границы. Ишутинцы разменивали их, а настоящие деньги передавались полякам.

Из «Отчета о действиях III отделения Его Императорского Величества канцелярии и Корпуса жандармов за 1866 год» следовало, что русские члены тайного общества при подготовке покушения действовали «под влиянием и для цели польской пропаганды»⁶⁸. Должного понимания этого факта суд по делу Каракозова не отразил в своем окончательном решении. Во многом этому способствовали действия самой полиции, как будет отмечено ниже. Большое количество польских агентов, преступников остались без ее внимания, а некоторые наказания, согласно приговорам, могут вызвать лишь недоумение. Так, срок заключения упомянутого Болеслава Трусова, занимавшегося снабжением ишутинцев ядовитыми веществами в целях революционной террористической деятельности, составил лишь восемь месяцев.

С.А. Мулина и польский историк Веслав Цабан подвергли критике позицию советского историка Н.П. Митиной [Митина, 1966]. Под особенный удар их критики попал С.Ф. Коваль [Коваль, 1966]. С.А. Мулина и В. Цабан считают польско-российские революционные связи 60-х гг. XIX в., в отличие от советских ученых, слишком преувеличенными. Рассматривая деятельность польских доносчиков – Станислава Крупского, Антония Бонасевича, Генриха Вашкевича, Александра Водзынского, они пишут, что исследователи «не всегда критически относились к содержанию доносов и, вслед за жандармами, зачастую излишне преувеличивали развитие заговорщической деятельности, в том числе и среди польских ссыльных» [Мулина, Цабан, 2020, с. 31]. Можно было бы принять точку зрения данных авторов о несерьезности этих доносов и показаний, если бы ключевые предупреждения в них, а именно восстание поляков в Сибири и покушение на императора, абсолютно не подтвердились. Доносы действительно не всегда отличались большой точностью, например, в части подробных деталей и способа покушения на Александра II, но не верить осведомителям абсолютно, как показало развитие событий, было нельзя. Более того, важнейшая деталь, раскрытая в самом исследовании С.А. Мулиной и В. Цабана, будто бы осталась за пределами их собственного внимания. А ведь эта деталь чрезвычайно убедительно доказывает связь польских экстремистов с ишутинцами-худяковцами. Она подтверждает существование четкого и выделенного вектора влияния, помимо иных, направленного из Сибири в главные города страны – Санкт-Петербург и Москву. Так, по показаниям Антония Бонасевича, польские заговорщики при подготовке восстания в Сибири должны были взаимодействовать с обществом «Ад» [Мулина, Цабан, 2020, с. 34], или, другими словами,

⁶⁸ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 115.

использовать его в своих целях. Специальное и наиболее законспирированное подразделение организации ишутинцев-худяковцев под названием «Ад» было создано с целью царевбийства и ликвидации ставших неудобными членов тайного общества. В данном случае трудно заподозрить Бонасевича в донесении ложных сведений, т. к. само это название первоначально даже среди некоторых ишутинцев (Мотков, Юрасов и др.) вызвало бурю эмоций и насмешек. То есть оно было абсолютно уникально и непривычно, а значит, и случайное совпадение в показаниях Бонасевича совершенно исключается – ему от каких-то лиц столь странное название было достоверно известно. Наивно думать, что Бонасевич, находясь в Сибири, чудом смог это название выдумать. Таким образом, характеризуя взгляды советских историков на развитие польского экстремизма в Сибири и взаимодействие польских сил с русским подпольем как слишком большое преувеличение, уважаемые исследователи С.А. Мулина и В. Цабан, напротив, скорее склонны излишне преуменьшать эти феномены. Член тайного общества Н.П. Странден заявлял, что в Москве название «Ад» возникло после возвращения Ишутина из Санкт-Петербурга и встреч его с Худяковым, который перед этим в течение 1865 г. имел многократные контакты с поляками, в том числе беглыми из Сибири. У Худякова были связи в Тобольске [Покушение Каракозова, 1928, с. 55]. Он, уроженец Тобольской губернии, еще с детских лет питал особые симпатии к польскому национально-освободительному движению. Частыми гостями в доме его отца были ссыльные поляки, сосланные в Сибирь после восстания 1830–1831 гг. В Санкт-Петербурге Ишутин также получил от Худякова сведения о некоем Европейском Комитете, целью которого было «истребление царских фамилий» [Покушение Каракозова, 1928, с. 27].

Работа советского историка Н.П. Митиной – это яркое подтверждение того, что в советский период взаимодействие польских и русских революционеров середины XIX века характеризовалось как уже сложившийся прочный союз подчеркнуто равноправных сил в борьбе с самодержавием. Союз этот брал свое начало с восстания декабристов. В советской историографии отмечалось, что царское правительство «как огня боялось его» [Митина, 1966, с. 8]. На самом же деле есть все признаки того, что правительство как раз не придавало особого значения этому союзу, как и не видело особой угрозы со стороны русских революционеров. Оно до преступления 4 апреля 1866 г. опасалось крайних проявлений именно польского сепаратистского движения, актов польского революционного терроризма. Не случайно Александр II сразу же после неудачного выстрела в него Дмитрия Каракозова спросил террориста, поляк ли он. И получив ответ, что он русский, был крайне удивлен и подавлен [Татищев, 1903, с. 4–5]. Этот факт красноречиво говорит о том, что царское правительство никак не ждало удара со стороны русских революционеров, полагая, что русский человек точно не сможет убить русского императора. Чуть более чем через год на Александра II, находящегося с визитом в Париже, будет совершено покушение Антония Березовского, сына обедневшего польского шляхтича, также неудавшееся, но подтвердившее обоснованность ожидания крайне большой опасности для императора со стороны поляков. В конце концов финальную точку в жизни императора Александра II поставит именно поляк И. Гриневецкий 1 марта 1881 г.

Однако и весной 1866 г. польские революционеры, в подавляющем большинстве своем – реваншисты и сепаратисты, отнюдь не были абсолютно ни при чем. Многие ускользнули от внимания следователей, многое осталось без должной оценки. Есть все основания полагать, что связь польских и русских революционеров была намного теснее, но вовсе не равноправных сил, как это было принято считать.

4 апреля 1866 г., когда Александр II, завершая привычную прогулку в Летнем саду, уже собирался покинуть его, из толпы собравшихся посмотреть на императора раздался выстрел. Император не пострадал. Согласно официальной версии террористу помешал точно выстрелить оказавшийся рядом простой мастер из крестьян Осип Комиссаров, который толкнул руку Каракозова снизу вверх, поэтому пуля прошла выше головы царя. Свидетелем этого подвига Комиссарова оказался генерал-адъютант Э.И. Тотлебен, тоже гулявший в

Летнем саду. Сам же Каракозов на первом своем допросе признался, что никто не мешал ему выстрелить. Комиссарова во время судебного процесса он не мог вспомнить, хотя они стояли рядом. Чем же явилась эта неудавшаяся террористическая атака на государя – одним из актов гибридной войны, по мнению И.А. Ананских с коллегами [Ананских и др., 2021], или все же спонтанным порывом революционера-одиночки? И кем был покушавшийся: героическим борцом за освобождение народа от царского гнета или манипулируемым наркозависимым орудием (у Каракозова при задержании были обнаружены 8 доз морфия), умышленно подведенным к той черте, за которой неминуемо последует выстрел в императора?

Вызывают большой интерес воспоминания П.А. Черевина, члена следственной комиссии по делу Каракозова. Он писал, что Александр II сам выхватил двустольный пистолет из рук террориста [Черевин, 1918, с. 2]. То есть у преступника была еще возможность произвести выстрел из второго ствола, он был заряжен. Также Черевин не верил, что Комиссаров действительно спас императора, толкнув руку Каракозова: «предполагать, что преступник преднамеренно не сознавался, что ему толкнули руку, нет причины» [Черевин, 1918, с. 4]. Следует отметить, что П.А. Черевин был назначен из Санкт-Петербурга в Москву ввиду недостаточной эффективности московских следователей. Спустя годы в своих воспоминаниях обвинял членов Московской комиссии не только в нерасторопности и некомпетентности, но и едва ли не в пособничестве преступникам: «Вопросные пункты писались как будто нарочно, чтобы дать арестованному средство и возможность увернуться» [Черевин, 1918, с. 26]. Аресты поляков Маевского, Маркса и др. прибывшим в Москву из столицы Черевиным должны были согласовываться с московским генерал-губернатором князем Долгоруковым, который на эти действия несколько дней не давал согласия. Примечательно, что на арест и обыски других лиц он давал согласие. Черевин утверждал, что «по тупоумию московской полиции» многие документы, которые могли бы пролить свет и установить большее участие и вину поляков Маевского и Барановского в деле Каракозова, те успели уничтожить с помощью провизора Ланггауза [Черевин, 1918, с. 31].

Черевину все-таки удалось получить признание галицкого поляка М. Маркса о том, что он знал о готовящемся покушении ишутинцев, что оно было очень желанным для поляков, и яд он передавал В.Н. Шаганову в целях подготовки к покушению на императора [Черевин, 1918, с. 33]. Своеобразное наказание конкретно этот польский преступник, который к тому же успел отметиться в восстании 1863 г., все же получил. Оно заключалось в том, что он был лишен всех прав и отправлен в ссылку в Сибирь, где жил в нескольких городах почти свободно с 1867 г. Уже через 12 лет ему вернули все права и разрешение жить повсеместно, кроме Москвы и Санкт-Петербурга.

Проследим хронологически некоторые события 1864–1866 гг., связанные с польским революционным национально-освободительным подпольем и обществом ишутинцев-худяковцев:

1864 г. В апреле, после подавления основной волны польского восстания, партия ссыльных поляков прибыла в Сибирь. Пять человек, находясь в каторжно-пересыльной тюрьме Тобольской губернии, составили высший орган власти, именуемый «Национальная власть» («Władza narodowa»). Они же стали инициаторами создания тайного «Товарищества взаимной помощи». В это тайное общество должны были входить представители всех прибывающих новых партий ссыльных, а также уже находящиеся в тюрьме. Они обязались и после прибытия в места ссылок оставаться членами общества, уплачивать членские взносы и исполнять все распоряжения «Национальной власти». В высший орган власти входил Зигмунд Минейко. Секретарем был Ф. Зенкович, у которого были списки всех следовавших в Сибирь лиц. Примечательно, что в это время тобольским губернатором являлся поляк А.И. Деспот-Зенович, старавшийся во всем покровительствовать осужденным и прибывающим в Сибирь полякам.

18–21 октября 1864 г., Енисейск – в письме виленскому генерал-губернатору М.Н. Муравьеву анонимный автор сообщал, что ссыльные поляки открыто желали смерти царю, называли год революции – 1866 69.

Тобольский губернатор Деспот-Зенович в донесении анонимного автора прямо назывался организатором польского заговора 70.

Члены тайного польского товарищества обязались иметь скрытные отличительные знаки, чтобы определять друг друга [Митина, 1966, с. 57]. Одной из задач организации была вербовка русских для своих целей [Митина, 1966, с. 59]. По показаниям Генриха Вашкевича, ближайшего соратника Минейко, у них было хорошо налажено письменное сообщение с Санкт-Петербургом посредством врача Поцелуевского (это показание особенно важно в контексте связей Худякова с поляками). Вашкевич утверждал, что общество вспомоществования носило декоративный характер, истинной целью которого была подготовка вооруженных восстаний. С этой же целью создавались и различные предприятия. Так, например, в Томской тюрьме для прикрытия революционной деятельности была создана мастерская головных уборов. В дальнейшем, приблизительно через полтора года, по польскому образцу общество вспомоществования будет создано ишутинцами. Как писала Э.С. Виленская, в квартире студента А.Н. Колачевского на улице Малой Бронной произошло первое собрание «Общества взаимного вспомоществования, где тот зачитывал предполагаемый устав этой организации» [Виленская, 1965, с. 392].

1865 г. Для эффективной координации действий с центральными городами России, с эмиграцией и Царством Польским в мае 1865 г. Польский комитет определил, что Минейко, Окинчиц, Вашкевич должны покинуть Сибирь и следовать в Москву и Санкт-Петербург.

15 мая 1865 г. Минейко, Окинчиц, Вашкевич бежали, а вернее, вполне спокойно под другими именами покинули Сибирь и отправились в Санкт-Петербург. По сообщению Вашкевича, у них были явные адреса в Санкт-Петербурге и Москве, в основном студентов Петербургского и Московского университетов. Минейко, Окинчиц, Вашкевич доставили в Санкт-Петербург сведения о революционном подполье в Сибири и указания о дальнейших действиях [Митина, 1966, с. 81]. Генрих Вашкевич летом неоднократно встречался с Худяковым до отъезда того в Женеву. Э.С. Виленская указывает также на знакомство Худякова с руководителем Санкт-Петербургского польского подполья, неким паном Станиславом (настоящее имя не раскрыто) [Виленская, 1969]. В Москве Минейко, Окинчиц и Вашкевич имели общение с членом польской московской организации Шостаковичем. Цель преследовалась одна – уничтожение царя. А значит, необходим был подбор исполнителей. Внимание поляков в этом вопросе скорее всего пало на ишутинцев потому, что они уже подтвердили свою преданность им и способность действовать, устроив побег Домбровскому. У Худякова же в Санкт-Петербурге оказался не слишком велик выбор кандидатов, поэтому в июне 1865 г. он отправился (был направлен) в Москву налаживать связь с Ишутинным. Здесь можно уточнить мнение А.В. Манькова [Маньков, 2018, с. 88], который считал, что это ишутинцы создали свой филиал в Санкт-Петербурге, в том смысле, что инициатива исходила явно не от них. После знакомства Худякова с Ишутинным в среде московских подпольщиков появляется рассказ про некий «Европейский Комитет», который оказывает покровительство революционным партиям и ставит своей целью ликвидацию монархий. Ишутинец П.Д. Ермолов подтвердил, что прямой целью появилась ликвидация императора, что разговоры о цареубийстве впервые возникли именно «по поводу Европейского Комитета» [Покушение Каракозова, 1928, с. 75]. Каракозов также подтверждал это. Он указал, что идея цареубийства вместе с разговором о «Европейском комитете» озвучивалась Худяковым на собрании членов ишутинского кружка в Москве [Покушение Каракозова, 1928, с. 46]. Таким образом, впервые эти мысли стали озвучиваться летом 1865 г. [Покушение Каракозова, 1928,

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2 а. Д. 705. Л. 9–11.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 136. Л. 48–49.

с. 70]. После знакомства с Худяковым Ишутин несколько раз совершал ответные поездки в Санкт-Петербург. В июле 1865 г. Ишутин привез деньги Худякову для поездки за границу. Худяков в августе – ноябре 1865 г. был за границей. После этой поездки, по словам Ишутина, уверял его в том, что им поступили субсидии 5 000 рублей.

После визита Ишутина в Санкт-Петербург к Худякову в самом конце 1865 г. и его возвращения в Москву циркуляция идеи царубийства и его способов заметно усилилась. Вероятнее всего, такая радикализация произошла на фоне информации о столь высоком покровительстве и крупном денежном поступлении от манящего и загадочного «Европейского комитета». На суде Ишутин будет приписывать первенство появления идеи царубийства себе, скорее всего, выгораживая Худякова, а значит, и тех, кто за Худяковым стоял и его курировал [Покушение Каракозова, 1928, с. 71]. Хотя более других с польским подпольем и зарубежными революционными агентами контактировал именно Худяков. И он же, умело лавируя в судебном процессе, в том числе и отрицая свой рассказ Ишутину про «Европейский революционный комитет», смог избежать самой негативной для себя участи: «Если бы не ненависть к комиссии, то, кажется, я сознался бы во всем, что могло вести меня одного на виселицу» [Худяков, 1882, с. 139]. Большую роль в том, что Худяков избежал смертной казни, сыграл его адвокат Виктор Гаевский, бывший западником и сыном П.И. Гаевского, имевшего польское происхождение выпускника Полоцкой иезуитской академии, подчинявшейся римско-католической церкви. Некоторые исследователи считают, что «Европейский революционный комитет» выглядит похожим на тот эмигрантский центр, органом которого молодая эмиграция стремилась сделать герценовский «Колокол», а некоторые видят в его качестве «прообраз бакунинской организации, действовавшей внутри I Интернационала» [Щербакова, 2008, с. 75]. Версии эти кажутся весьма неправдоподобными, так как, со слов Никольского, известно, что сам Худяков, принесший вест о «Европейском комитете» ишутинцам, отзывался о российских политических эмигрантах пренебрежительно. Называл их людьми «незначительными, даже жалкими» [Покушение Каракозова, 1928, с. 56]. Бакунин же в то время вообще не стоял на тех позициях, которые возникли у ишутинцев после встречи их с Худяковым. Его взгляды на революционную борьбу в 1865 г. отличались гораздо большей мягкостью, чем у ишутинцев-худяковцев в этот же период. В. Кириллов считал миф о «Европейском революционный комитете» выдумкой склонного к фантазированию М. Элпидина, чтобы произвести впечатление на Худякова во время их встречи за границей [Кириллов, 2014]. Непонятно, однако, зачем Элпидину это было нужно? Кириллов посчитал это все несерьезной игрой в мистификацию.

Не только радикализация взглядов ишутинцев, но и организационная составляющая их деятельности со второй половины 1865 г. все более начинает походить на польскую модель организации подпольной деятельности, это заимствование проявилось даже в названии.

1866 г. В начале 1866 года по польскому образцу ишутинцы создают ОВВ – «Общество взаимного вспомоществования». ОВВ должно было получить официальное разрешение, но под вывеской взаимопомощи действовать тайно и проводить свои тайные мероприятия. Из допроса О.В. Малинина, члена «Организации» и кассира ОВВ: «определенной цели на собраниях наших не было высказано; единства цели у членов общества не было» [Покушение Каракозова, 1930, с. 9]. Малинин пояснил, что ОВВ было организовано в январе 1866 года [Покушение Каракозова, 1930, с. 15]. В это же время внутри «Организации» появляется террористическое ядро, названное «Адом», в которое, согласно обвинительным актам, входили Ишутин, Каракозов, Странден, Ермолов, Загибалов, Юрасов и некоторые другие участники. Целями «Ада», помимо убийства царя, были контроль за членами «Организации», устранение неудобных революционному правительству лиц в случае революции. А тем временем в феврале в Сибири тобольский губернатор, поляк-католик Деспот-Зенович, вместе с другим поляком-католиком Юлием Олендзским инспектирует ссыльных поляков, что может, по мнению царского правительства, выявить в польской среде противоправительственные настроения и замыслы. Затем Деспот-Зенович пишет докладную

записку еще одному католику, генерал-губернатору Западной Сибири Дюгамелю, женатому на польке. Конечно же, в своем письме Деспот-Зенович опровергает все вероятные факты заговорщической деятельности среди ссыльных. Более того, он не видит ничего предосудительного в том, что, например, у задержанного беглого поляка было при себе огнестрельное оружие и топографические карты: «Найденный при нем револьвер не служит доказательством ничего особенного, так как всякий бежавший обыкновенно запасается каким-нибудь оружием. Даже и карты, отысканные у какого-нибудь, может быть, очень образованного человека, не служат еще положительным признаком ничего подозрительного, потому что очень естественна в таком человеке любознательность к ознакомлению с той местностью, в которую он выслан»⁷¹. Вызывает большое удивление, как можно было при таких умозаключениях и выводах продолжать считать его благонадежным чиновником и доверять его сообщениям об отсутствии на вверенной ему территории тайной организации поляков. После неудачного покушения Каракозова Деспот-Зенович был сильно напуган, запретил пускать к себе в дом лиц своей национальности. В Тобольске к тому же прошел слух, что посягнувший на жизнь императора тоже был поляком. Далее, вглубь Сибири, были немедленно отправлены те поляки, которых Деспот-Зенович намеревался оставить в Тобольске под своим попечением. До этого теракта поляки из ранних партий ссыльных, среди которых был и Зигмунд Минейко, были оставлены в Тобольске под предлогом болезни. Причем медицинские документы подписывались тоже врачами-поляками. Очевидно, Деспот-Зенович прекрасно осознавал очень большую связь между бежавшими ссыльными, многим из которых он покровительствовал, и покушением на императора.

Примечательно, что Худяков стал заниматься вербовкой потенциальных исполнителей покушения на императора как раз после неоднократных встреч с бежавшими из Сибири поляками. Худяков был определен основным связующим элементом между польскими экстремистами, Санкт-Петербургскими и московскими членами подпольных организаций [Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917, 1976, с. 187]. Поэтому весьма странно считать Каракозова случайным террористом, тем более что деньги для покупки пистолета давал ему Худяков. Именно после визита Худякова в Москву поиском кандидатов на роль цареубийцы занялись ишутинцы. Так, кроме Каракозова, кандидатура поляка Игнатия Корево прошла отбор. Он привлек внимание тем, что сразу заявил о готовности убить царя, якобы такое поручение дал ему отец перед своей смертью. Скорее всего, такое демонстрируемое, почти фанатичное желание Корево было оценено соответствующим образом, и он, согласно его показаниям [Клевенский, 1926, с. 105–106], ожидал, когда поступит сигнал к действию, его поставили как бы в очередь и сказали ждать, когда поступит приказ.

А вот как описывал Г.А. Лопатин (1845–1918) личную попытку Худякова сделать его одним из кандидатов на роль цареубийцы: «Когда же я вернулся назад в Петербург, заговорщики считали дело близким к развязке, к началу конца, а потому хлопотали о практических частностях и считали неблагоприятным тратить драгоценные минуты на вербовку таких личностей, приобретение которых требовало времени и усилий. А я казался ему именно таким человеком, как он объяснял позже». Дело в том, что Лопатин сразу же без колебаний и в резкой форме воспротивился идее цареубийства, что заставило Худякова «бросить дальнейшее нащупывание» [Лопатин, 1922, с. 76]. Кроме того, Худяков позднее объяснил Лопатину, что тот обладал вдобавок еще и веселым характером, поэтому не внушал большого доверия. Тем не менее после многочисленных арестов Худяков все же поручил Лопатину, так как больше почти никого, незаподозренного властью, на свободе не оставалось, быть своего рода координатором, перехватывать письма, временно обрывать конспиративные связи, а затем возобновить их, когда потребуется. Для нас важно в словах Лопатина то, что Худяков, тесно связанный с польскими экстремистскими силами, лично участвовал в

⁷¹ Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18486. Л. 117–120.

вербовке, отбирая потенциального исполнителя теракта. Действительно, веселый и остроумный Лопатин был полной противоположностью того же Каракозова. Видимо, типаж угрюмого, достаточно легко внушаемого Каракозова посчитали более подходящим. К тому же Худяков был уверен в Каракозове как в отличном стрелке и не ожидал, что он может промахнуться [Богучарский, 1912, с. 55].

Заключение

Роль Польского комитета в жизни тайной организации ишутинцев скорее носила характер кураторства. Польский комитет генерировал основные задачи и цели. В то время как для русской части революционного подполья едва ли могла стать самостоятельной и первостепенной важностью, например, задача освобождения польских ссыльных и добывание для этого денежных средств. Со временем организация ишутинцев стала почти точной копией польского тайного сообщества. Было скопировано даже название для прикрытия противозаконной деятельности – «Общество взаимного вспомоществования», но находились ишутинцы-худяковцы в фактически подчиненном польскому Комитету состоянии. Одной из главных задач польской организации была вербовка русских, использование их в своих целях. Это прослеживается в структуре, в хронологическом порядке возникновения и развития польского и русского подпольного движения начала 1860-х, в задачах, в том числе в обналичивании фальшивых кредитных билетов. Таким образом, покушение на императора весной 1866 г. тщательно подготавливалось, его убийство должно было совпасть по времени с восстанием поляков в Сибири. Не последнюю роль в активности польских экстремистских образований в этом отдаленном от столиц регионе играла не лучшая кадровая политика самой царской власти относительно высокопоставленных лиц Сибири в 1860-х годах. Неудачный, как оказалось, выбор кандидатуры на роль исполнителя теракта нарушил планы польского революционного подполья. Восстание поляков в Сибири состоялось позднее, летом 1866 г., в очень усеченном варианте по предполагаемому количеству участников и уже не могло принести тот же эффект, как если бы царь был убит.

Существовал ли на самом деле «Европейский революционный комитет» и кто в него входил – до сих пор является неразрешенной загадкой. Есть основания полагать, что Польский комитет вполне мог умышленно позиционировать себя под этой вывеской. Очевидно, что словосочетание «Европейский комитет» действовало на сознание некоторых ишутинцев почти магически и поднимало их самооценку как соучастников чего-то грандиозного. Среди тех, чье сознание будоражили мысли о нем, были и Каракозов с Ишутиным. Поляки, говоря о своей организации как о «Европейском комитете», не слишком бы лукавили, так как в подавляющем своем большинстве считали себя, а не русских частью просвещенной Европы. Впрочем, русским революционерам знать о том, что «Европейский комитет» на самом деле «Польский комитет», было, по мнению самих поляков, ни к чему, потому что это серьезным образом затруднило бы вербовку среди русских.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 109. Оп. 223. Д. 31. Л. 115.
ГА РФ. Ф. 109. Оп. 2а. Д. 705. Л. 9–11.
ГА РФ. Ф. 109. Оп. 38. Д. 136. Л. 48–49.
Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. 3. Оп. 13. Д. 18486. Л. 117.

Список литературы

Ананских И.А., Булатов В.И., Литвинов Н.Д. и др. 2021. Покушение Д. Каракозова на Александра II как спецоперация гибридной войны. Юридическая наука: история и современность, 7: 65–104.
Богучарский В.Я. 1912. Активное народничество семидесятых годов. Москва, М. и С. Сабашниковы, 384 с.
Виленская Э.С. 1965. Революционное подполье в России. Москва, Наука, 487 с.

- Виленская Э.С. 1969. Худяков. Москва, Молодая гвардия, 175 с.
- Герман Александрович Лопатин. 1922. (1845–1918) Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Петроград, Государственное издательство, 139 с.
- Записки П.А. Черевина. 1918. (Новые материалы по делу каракозовцев). Кострома, Издание Костромского научного общества по изучению местного края, 60 с.
- Кириллов В. 2014. ЕРК (Европейский революционный комитет). Версии мифа. Родина, 4: 71–73.
- Клевенский М.М. 1926. Покушение Каракозова 4 апреля 1866 г. Красный архив, 4 (17): 91–137.
- Коваль С.Ф. 1966. За правду и волю. Иркутск, Вост.-Сиб. кн. изд-во, 192 с.
- Корнилов А.А. 1918. Курс истории России XIX в. Т. 3. Москва, 331 с.
- Кошель П.А. 1995. История российского терроризма. Москва, Голос, 249 с.
- Ляшенко Л.Д. 2016. Декабристы и народники: судьбы и драмы русских революционеров. Москва, Вече, 445 с.
- Майшев С.Е. 2016. Возникновение политического терроризма в Российской Империи во второй половине XIX века, KANT, 1(18): 14–19.
- Маньков А.В. 2017. К вопросу об истории терроризма: истоки, становление и эволюция в России, Вестник Чувашиского университета, 2: 93–98.
- Маньков А.В. 2018. Терроризм в России: исторические аспекты (вторая половина XIX – начало XX века), Вестник Чувашиского университета, 4: 84–100.
- Меркулов С.В., Храпченков В.Г. 2019. Зарождение и распространение экстремизма в России: историко-философский аспект, Военно-правовые и гуманитарные науки Сибири, 2(2): 152–158.
- Митина Н.П. 1966. Во глубине сибирских руд: К столетию восстания польских ссыльных на Кругобайкальском тракте. Москва, Наука, 144 с.
- Мулина С.А., Цабан В. 2020. «Неудачные агенты»: практика доноительства в среде ссыльных участников Январского восстания. Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки», Т. 7. 2(26): 31–38. doi: 10.24147/2312-1300.2020.7(2).31-38
- Назаревский В.В. 1910. Царствование императора Александра II: 1855–1881. Москва, 156 с.
- Очерки революционных связей народов России и Польши 1815–1917. 1976. Москва, Наука, 605 с.
- Покушение Каракозова. 1928: стенографический отчет по делу Каракозова, Худякова, Ишутина и др. Т. 1. Москва, Ленинград, Изд-во Центрархива РСФСР, 317 с.
- Покушение Каракозова. 1930: стенографический отчет по делу Каракозова, Худякова, Ишутина и др. Т. 2. Москва, Ленинград, Изд-во Центрархива РСФСР, 383 с.
- Синцов Г.В., Первушкин А.В. 2019. Экстремизм в Российской империи: причины зарождения, Вестник Пензенского государственного университета, 1(25): 25–29.
- Стариков М. 2021. Покушения на Александра II. Электронный ресурс URL: https://factruz.ru/history_mistery_2/assassination-alexander2/ (дата обращения 25.04.2025)
- Татищев С.С. 1903. Император Александр II, его жизнь и царствование. Т. 2. Санкт-Петербург, 734 с.
- Троицкий Н.А. 1978. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма. 1866–1882 гг. Москва, Мысль, 335 с.
- Худяков И.А. 1882. Опыт автобиографии. Женева, Вольная русская типография, 184 с.
- Шилов А.А. 1919. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Петроград, Государственное издательство, 46 с.
- Щербакова Е.И. 2008. «Отщепенцы». Путь к терроризму (60–80-е годы XIX века). Москва, Новый хронограф, 224 с.

References

- Ananskih I.A., Bulatov V.I., Litvinov N.D. i dr. 2021. Pokushenie D. Karakozova na Aleksandra II kak specoperacija gibrinnoj vojny [D. Karakozov's Assassination Attempt on Alexander II as a Special Hybrid War Operation]. Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'. 7: 65–104.
- Bogucharskij V.Ja. 1912. Aktivnoe narodnichestvo semidesjatyh godov [The Active Populism of the Seventies]. Moscow, M. i S. Sabashnikovy. 384 p.
- Vilenskaja Je.S. 1965. Revoljucionnoe podpol'e v Rossii [The Revolutionary Underground in Russia]. Moscow, Nauka, 487 p.
- Vilenskaja Je.S. 1969. Hudjakov [Khudyakov]. Moscow, Molodaja gvardija, 175 p.
- German Aleksandrovich Lopatin. 1922. (1845–1918) Avtobiografija. Pokazanija i pis'ma. Stat'i i stihotvorenija. Bibliografija [German Alexandrovich Lopatin. (1845–1918). An Autobiography.

- Testimonies and Letters. Articles and Poems. Bibliography]. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 139 p.
- Zapiski P.A. Cherevina. 1918. (Novye materialy po delu karakozovcev) [Notes by P.A. Cherevin. New Materials on the Karakozov Case]. Kostroma, Izdanie Kostromskogo nauchnogo obshhestva po izucheniju mestnogo kraja, 60 p.
- Kirillov V. 2014. ERK (Evropejskij revolyucionnyj komitet). Versii mifa [ERC (European Revolutionary Committee). Versions of the Myth]. Rodina, 4: 71–73.
- Klevenskij M.M. 1926. Pokushenie Karakozova 4 aprelja 1866 g. [The Assassination of Karakozov on April 4, 1866]. Krasnyj arhiv, 4 (17): 91–137.
- Koval' S.F. 1966. Za pravdu i volju [For Truth and Freedom]. Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd-vo, 192 p.
- Kornilov A.A. 1918. Kurs istorii Rossii XIX v. [The Course of the History of Russia in the 19th Century]. T. 3. Moscow, 331 p.
- Koshel' P.A. 1995. Istorija rossijskogo terrorizma [The History of Russian Terrorism]. Moscow, Golos, 249 p.
- Ljashenko L.D. 2016. Dekabristy i narodniki: sud'by i dramy russkikh revolyucionerov [Decembrists and Narodniks: the Fates and Dramas of Russian Revolutionaries]. Moscow, Veche, 445 p.
- Majshev S.E. 2016. Vozniknovenie politicheskogo terrorizma v Rossijskoj Imperii vo vtoroj polovine XIX veka [The Emergence of Political Terrorism in the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century], KANT, 1(18): 14–19.
- Man'kov A.V. 2017. K voprosu ob istorii terrorizma: istoki, stanovlenie i jevoljucija v Rossii [On the History of Terrorism: Origins, Formation and Evolution in Russia]. Vestnik Chuvashskogo universiteta, 2: 93–98.
- Man'kov A.V. 2018. Terrorizm v Rossii: istoricheskie aspekty (vtoraja polovina XIX – nachalo XX veka) [Terrorism in Russia: Historical Aspects (Second Half of the 19th – Early 20th Century)], Vestnik Chuvashskogo universiteta, 4: 84–100.
- Merkulov S.V., Hrapchenkov V.G. 2019. Zarozhdenie i rasprostranenie jekstremizma v Rossii: istoriko-filosofskij aspekt [The Emergence and Spread of Extremism in Russia: A Historical and Philosophical Perspective], Voenno-pravovye i humanitarnye nauki Sibiri, 2(2): 152–158.
- Mitina N.P. 1966. Vo glubine sibirskih rud: K stoletiju vosstaniya pol'skikh ssyl'nyh na Krugobajkal'skom trakte [In the Depths of Siberian Ores: On the Centenary of the Uprising of Polish Exiles on the Circum-Baikal Tract]. Moscow, Nauka, 144 p.
- Mulina S.A., Caban V. 2020. «Neudachnye agenty»: praktika donositel'stva v srede ssyl'nyh uchastnikov Janvar'skogo vosstaniya ["Unsuccessful Agents": The Practice of Denunciation Among the Exiled Participants of the January Uprising] Vestnik Omskogo universiteta. Serija «Istoricheskie nauki», T. 7, 2(26): 31–38. doi: 10.24147/2312-1300.2020.7(2). 31–38
- Nazarevskij V.V. 1910. Carstvovanie imperatora Aleksandra II: 1855–1881 [The Reign of Emperor Alexander II: 1855–1881]. Moscow, 156 p.
- Ocherki revolyucionnyh svyazej narodov Rossii i Pol'shi 1815–1917 [Essays on the Revolutionary Relations between the Peoples of Russia and Poland, 1815–1917]. 1976. Moscow, Nauka, 605 p.
- Pokushenie Karakozova. 1928: stenograficheskij otchet po delu Karakozova, Hudjakova, Ishutina i dr. [The Assassination of Karakozov: Verbatim Report on the Case of Karakozov, Khudyakov, Ishutin, and Others]. T. 1. Moscow, Leningrad, Izd-vo Centrarchiva RSFSR, 317 p.
- Pokushenie Karakozova. 1930: stenograficheskij otchet po delu Karakozova, Hudjakova, Ishutina i dr. [The Assassination of Karakozov: Verbatim Report on the Case of Karakozov, Khudyakov, Ishutin, and Others]. T. 2. Moscow, Leningrad, Izd-vo Centrarchiva RSFSR, 383 p.
- Sincov G.V., Pervushkin A.V. 2019. Jekstremizm v Rossijskoj imperii: prichiny zarozhdeniya [Extremism in the Russian Empire: The Causes of its Origin], Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta, 1 (25): 25–29.
- Starikov M. 2021. Pokusheniya na Aleksandra II [The Assassination of Alexander II] Available at: https://factruiz.ru/history_mystery_2/assassination-alexander2/ (accessed 24 April 2025)
- Tatishhev S.S. 1903. Imperator Aleksandr II, ego zhizn' i carstvovanie [Emperor Alexander II, His Life and Reign]. T. 2. Saint Petersburg, 734 p.
- Troickij N.A. 1978. Bezumstvo hrabryh. Russkie revolyucionery i karatel'naja politika carizma. 1866–1882 gg. [The Madness of the Brave. Russian Revolutionaries and the Tsarist Penal Policy. 1866–1882]. Moscow, Mysl', 335 p.
- Hudjakov I.A. 1882. Opyt avtobiografii [The Autobiography Experience]. Zheneva, Vol'naja russkaja tipografija [Free Russian Printing House], 184 p.

Shilov A.A. 1919. Karakozov i pokushenie 4 aprel'ja 1866 goda [Karakozov and the Assassination Attempt on April 4, 1866]. Petrograd, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 46 p.

Shherbakova E.I. 2008. «Otshhepency». Put' k terrorizmu (60–80-e gody XIX veka) ["Renegades." The Path to Terrorism (60–80-ies of the XIX Century)]. Moscow, Novyj hronograf, 224 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 22.04.2025

Received 22.04.2025

Поступила после рецензирования 28.08.2025

Revised 28.08.2025

Принята к публикации 30.08.2025

Accepted 30.08.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Дюков Сергей Викторович, независимый исследователь, г. Краснодар, Россия

Sergey V. Dyukov, Independent Researcher, Krasnodar, Russia

 [ORCID: 0009-0000-3787-886X](https://orcid.org/0009-0000-3787-886X)